

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КЛОУНЪ.

Я ПОМНЮ (стих.).

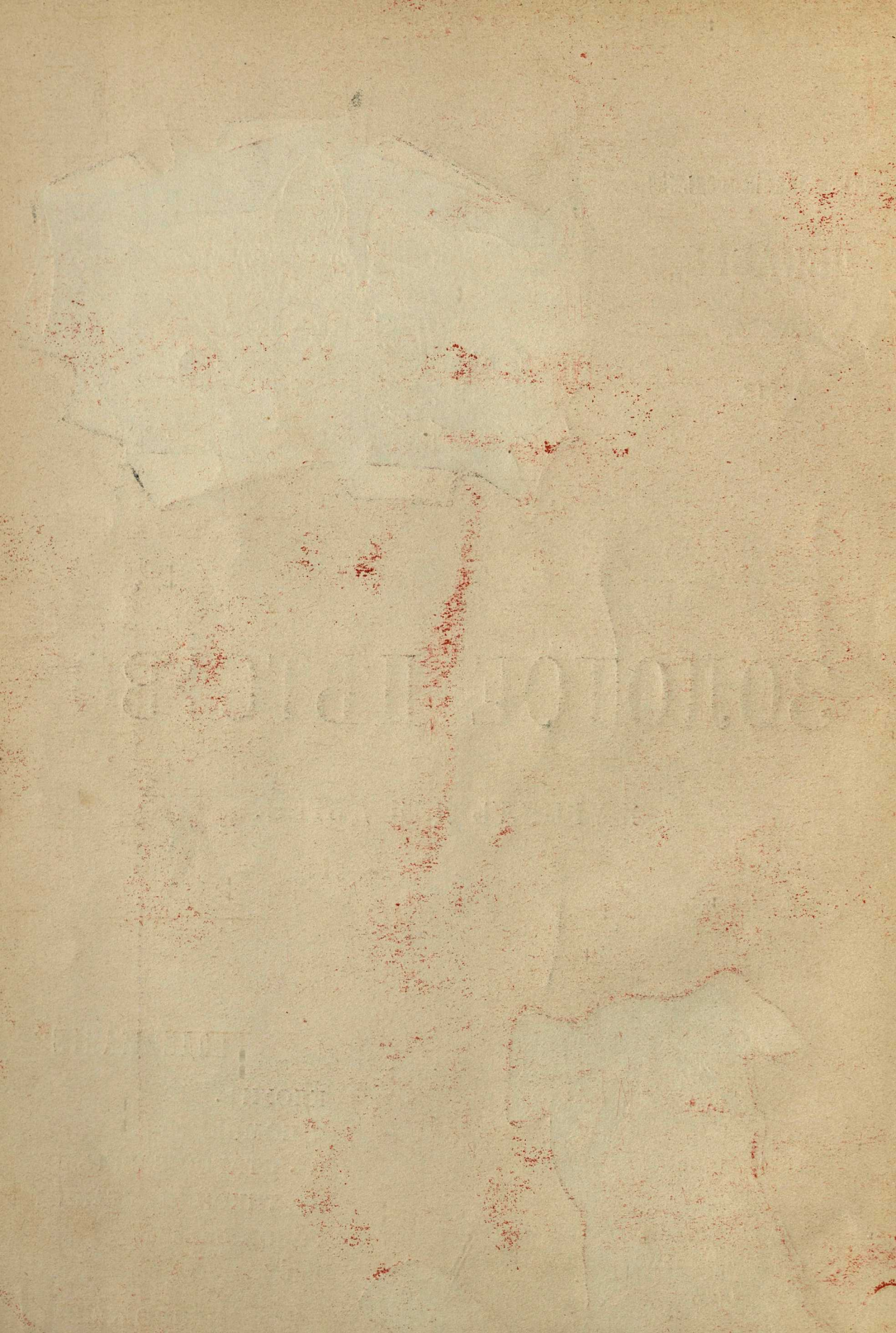
ВЪ СТАРОЙ БАШНѢ.

КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ (повѣсть).

ГОЛОВОЛОМКИ.

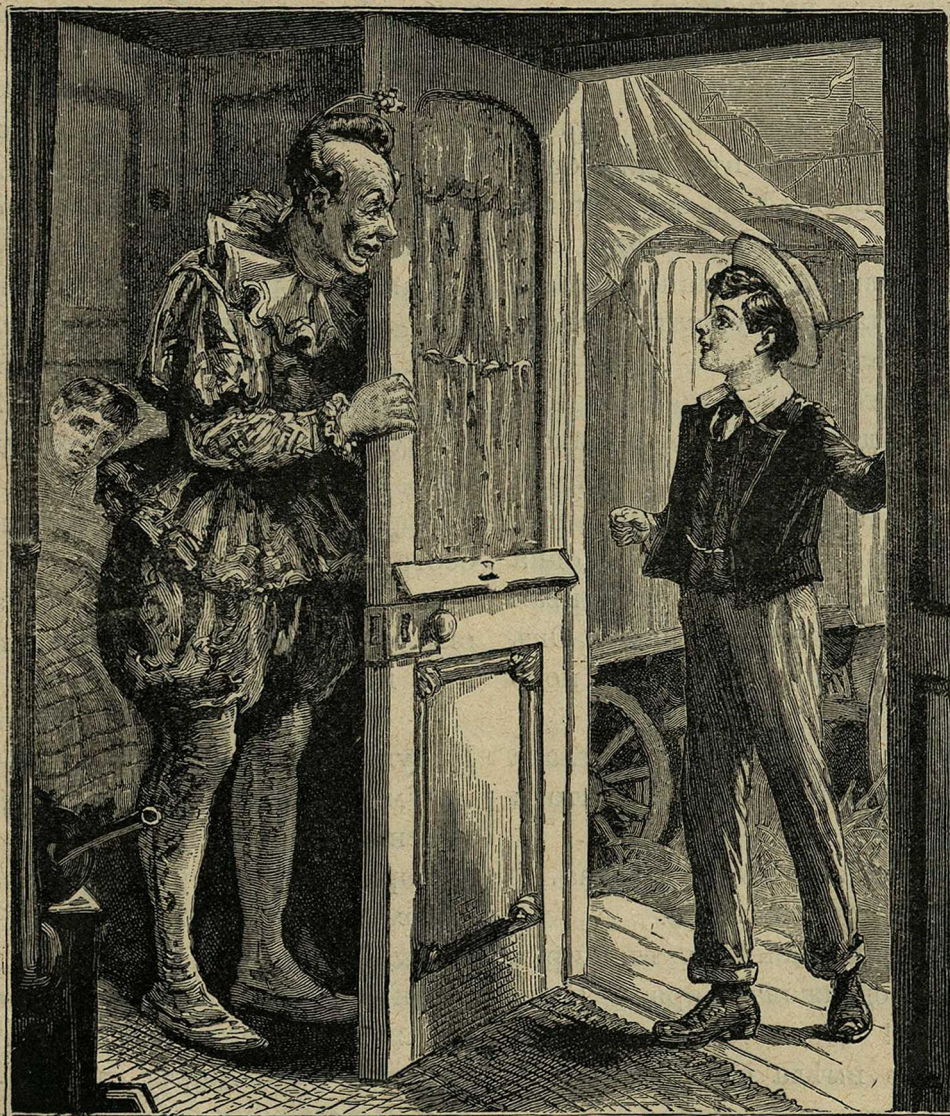
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Войдите сюда,—пригласилъ онъ мальчика.

К Л О У Н Ъ.

Давно уже собирались въ циркъ, но у Фани неожиданно разболѣлось горло, она стала кашлять и папа ея—докторъ—сказалъ ей, что въ циркъ она не пойдетъ.

— Если хочешь, обратился онъ къ Борѣ,—то иди одинъ!

Лицо Бори омрачилось. Онъ не любилъ никуда ходить одинъ безъ сестры. Онъ хотѣлъ было доказать папѣ, что она не такъ ужъ сильно больна, но папа надѣлъ пальто и шляпу и ушелъ съ визитами къ больнымъ.

Боря задумчиво побрелъ обратно въ дѣтскую. Стоило-ли отпавляться въ циркъ одному, смѣяться тамъ безъ Фани и при этомъ знать, что она лежитъ одна и скучаетъ? И вдругъ счастливая мысль пришла ему въ голову. Онъ обрадовался ей и со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ дѣтскую.

— Фаня, зашепталь онъ и глаза его засверкали. — Знаешь, что я придумалъ?

Фаня подняла на него глаза.

— Что? спросила она.

— Я пойду сейчасъ въ циркъ одинъ, продолжалъ Боря. — Папа позволилъ!

Фаня не имѣла ровно никакого желанія оставаться дома одна, нахмурилась, хотѣла возразить, но сдержалась и отвѣтила:—

— Ну, что-жъ, иди! Только разскажи мнѣ послѣ обо всемъ, что увидишь.

Боря оглядѣлся по сторонамъ, точно боясь, какъ-бы его не услышали другіе.

— Знаешь что? сказалъ онъ.— Я хочу попросить самага смѣшного клоуна изъ цирка, чтобы онъ пришелъ сюда къ тебѣ и посмѣшилъ тебя. Хочешь?

Фаня отъ радости подпрыгнула.

— Я угощу его чаемъ! воскликнула она.— Согрѣю кукольный самоварчикъ и посажу его вмѣстѣ съ куклами за столъ! Это будетъ такъ весело!

Боря задумчиво поглядѣлъ на сестру.

— Только вотъ жаль, сказалъ онъ, что у тебя отъ насморка красный носъ! Это неприлично...

— Это ничего, отвѣтила Фаня.— Клоуны привыкли къ краснымъ носамъ. У нихъ и самихъ всегда красные носы!

Боря удовлетворился этимъ отвѣтомъ, собрался и отправился въ циркъ.

Циркъ былъ заѣзжій, бѣдный и неважный. Среди площади было сколочено изъ досокъ круглое зданіе, къ которому были пристроены конюшни для лошадей и уборныя для артистовъ. Для сокращенія

расходовъ артисты въ этихъ уборныхъ пили, ѣли и ночевали. Сквозь щели на нихъ дуло вѣтромъ, а когда шелъ дождь, то крыша протекала и на полу образовывались лужи. Доски изнутри оструганы не были и потому стѣны сплошь были покрыты занозами. Въ одной изъ уборныхъ лежалъ больной мальчикъ Кадя, приемышь клоуна, дававшего представленія. Его знобило и онъ лежалъ, укрывшись одѣяломъ по шею. Шло представленіе.

За стѣной вдругъ послышались ревъ толпы и рукоплесканія и вслѣдъ затѣмъ въ уборную вошелъ самъ клоунъ мистеръ Дунди. Онъ былъ русскій и звали его Александръ Ивановичъ, но только для публики онъ былъ мистеръ Дунди. Онъ былъ весь измазанъ краской, съ кисточкой въ волосахъ, въ смѣшномъ клоунскомъ костюмѣ и съ нарисованной глупой улыбкой на лицѣ. Но въ глазахъ у него свѣтились горе и доброта.

— Что, мой мальчикъ? обратился онъ къ Кадѣ. — Тебѣ худо? Тебя знобитъ?

— Да, мнѣ холодно, отвѣтилъ Кадя. — Но что это они тамъ такъ громко кричатъ?

— Это они вызываютъ меня... Я сейчасъ ихъ смѣшилъ... Они довольны...

— А мальчики тамъ есть? Они тоже смѣются?

— Смѣются, Кадя... Но не позвать-ли къ тебѣ доктора?

— Я тоже люблю смѣяться, когда ты представляешь... Но отчего ты сегодня такой печальный?

Мистеръ Дунди вздохнулъ.

— Я боюсь за тебя, отвѣтилъ онъ. — Мнѣ тяжело, что ты боленъ.

Мальчикъ закашлялъ и схватилъ клоуна за руку. Все время пока онъ кашлялъ, клоунъ смотрѣлъ на него полными горя глазами, хотя лицо его было по-прежнему безобразно нарисованной глупой улыбкой.

— Не надо... сказалъ мальчикъ. — Не гляди такъ... Отъ слезъ у тебя на щекахъ остаются дорожки!

Клоуну стало неловко. Послышался звонокъ, онъ спохватился, быстро припудрилъ щеки и, поспѣшилъ на арену. Въ это время кто-то за стѣною сказалъ:—

— А здѣрово у Дунди кашляетъ мальчикъ! Должно быть, скоро умреть!

Клоунъ услышалъ это, вздрогнулъ и остановился у порога. Въ это время дверь отворилась и въ ней показался чей-то мальчикъ лѣтъ девяти. Это былъ Боря.

— Что вы здѣсь дѣлаете за кулисами? обратился къ нему мистеръ Дунди. — Постороннимъ лицамъ здѣсь ходить нельзя!

Боря вѣжливо снялъ предъ нимъ шляпу.

— Я хочу видѣть мистера Дунди, сказалъ онъ.

— Я передъ вами самъ. Что вамъ угодно?

— Не будете-ли вы такъ добры пожаловать ко мнѣ и къ моей сестрѣ Фанѣ на чашку чаю? Моя сестра Фаня такъ хотѣла видѣть васъ и посмѣяться, но она больна. У нея кашель. Она не могла придти сегодня въ циркъ!..

Боря говорилъ это съ такимъ уваженіемъ къ клоуну и такъ убѣдительно, что это тронуло мистера Дунди.

— Войдите сюда... пригласилъ онъ мальчика.

Боря вошелъ къ нему въ уборную. Видъ больного мальчика смутилъ его и онъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Это мой приемышъ Кадя, указалъ ему на больного клоунъ. — Онъ очень боленъ. Но подождите меня здѣсь.. Сейчасъ мой выходъ. Черезъ пять минутъ я опять вернусь сюда и вы расскажете мнѣ все о вашей сестрѣ и о чаѣ...

Клоунъ вышелъ и дѣти остались одни.

— Ты боленъ?.. обратился къ Кадѣ Боря послѣ минутнаго неловкаго молчанія.

— Да... тихо отвѣтилъ Кадя.

— Что у тебя?

— Не знаю... Сильно кашляю и по ночамъ жаръ...

— Что-же сказалъ докторъ?

Кадя смутился и опустилъ глаза.

— У меня докторъ ни разу не былъ... У насъ нѣтъ денегъ, чтобы ему заплатить...

Боря обрадовался.

— Но вѣдь мой папа—докторъ! воскликнулъ онъ.— Я скажу ему,— и онъ пріѣдетъ тебя осмотрѣть сейчасъ-же!

Они разговорились, а въ это время въ циркъ снова раздался ревъ толпы и въ уборную опять вошелъ мистеръ Дунди.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло? обратился онъ къ Борѣ.— Что ваша сестра и какъ вашъ чай?

Боря сконфузился.

— Видите-ли, г-нъ Дунди.. залепеталъ онъ.— Моя сестра сегодня больна и не могла быть въ циркъ. Но ей такъ-бы хотѣлось васъ видѣть! Не можете-ли вы придти къ намъ попить чаю и что-нибудь представить?.. Она будетъ очень довольна!

Клоунъ подумалъ.

— Хорошо, сказалъ онъ,— только желаетъ-ли ваша мама, чтобы я къ вамъ пришелъ?

— У насъ мамы нѣтъ, отвѣтилъ Боря.— Она умерла еще тогда, когда Фаня была маленькой.

— И у меня тоже мамы нѣтъ... вставилъ Кадя.

— А вашъ папа? спросилъ клоунъ.

— Мой папа—докторъ и онъ по цѣлымъ днямъ разъѣзжаетъ по больнымъ и не бываетъ дома, отвѣтилъ Боря. Но онъ добрый и позволить. Онъ даже пріѣдетъ къ вамъ полѣчить Кадю... Приходите-же къ намъ, пожалуйста! Мы васъ будемъ ждать.

— А вот и я! — сказал онъ.

— Вашъ папа докторъ? задумчиво повторилъ клоунъ.—Быть можетъ, онъ согласился-бы даже полъчить моего Кадю?

И затѣмъ онъ быстро отвѣтилъ:

— Хорошо, я приду! Гдѣ вы живете?

Боря сообщилъ ему свой адресъ,

и, довольный, возвратился на свое мѣсто въ циркѣ.

Представленіе было утреннее и окончилось къ четыремъ часамъ дня. Когда Боря вышелъ изъ цирка, то вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и какой-то господинъ въ длинномъ пальто и въ шляпѣ. Это былъ мистеръ Дунди.

— Я готовъ, обратился онъ къ Борѣ. — Ведите меня къ вашей сестрѣ!

Боря съ разочарованіемъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Зачѣмъ-же вы сняли вашъ костюмъ? спросилъ онъ клоуна — Фанѣ такъ хотѣлось-бы видѣть васъ смѣшнымъ!

Мистеръ Дунди улыбнулся.

— Не безпокойтесь! сказалъ онъ. — Я въ костюмѣ... Только я нарочно одѣлся въ пальто и взялъ шляпу... А то по улицѣ совѣстно идти! Соберутся мальчишки и будутъ смѣяться и свистать!

А въ это время Фаня сидѣла дома, какъ на иголкахъ, и считала минуты, когда возвратится изъ цирка Боря и приведетъ съ собою клоуна. Ожидали возвращенія домой доктора съ практики, и чайный столъ давно уже былъ накрытъ и няня устала его разными печеньями и сладостями. Какъ вдругъ на лѣстницѣ послышался звонокъ, раздались шаги, дверь распахнулась и въ столовую, запыхавшись, вбѣжалъ Боря и закричалъ: —

— Идетъ! Идетъ! Клоунъ идетъ!

И вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ клоунъ Дунди и отвѣсилъ передъ Фаней смѣшной, церемонный поклонъ.

— А вотъ и я! сказалъ онъ тоненькимъ, визгливымъ голоскомъ, какимъ говорилъ обыкновенно въ циркѣ. — Вотъ и я!

И прежде чѣмъ Фаня успѣла

придти въ себя отъ радости, онъ подошелъ къ нянѣ и спросилъ ее:

— Докторъ дома?

— Нѣтъ отвѣтила няня, но онъ скоро придетъ.

— Я никого здѣсь не побезпокою, продолжалъ клоунъ — если повеселю немного дѣтей до прихода доктора? Мнѣ нуженъ докторъ... У меня боленъ мальчикъ... Я хочу попросить у доктора совѣта...

Няня указала ему на дверь въ приемную.

— Докторъ сейчасъ придетъ, повторила она. — Подождите его вотъ здѣсь!

Но клоунъ снялъ съ себя пальто, усѣлся съ дѣтьми за столъ и сталъ ихъ потѣшать. Они смѣялись до слезъ. Это былъ для нихъ интересный, незабвенный день и сама няня стояла въ сторонѣ и весело хихикала въ кулакъ. А затѣмъ снова раздался звонокъ и снова послышались по лѣстницѣ шаги — и на этотъ разъ въ столовую уже вошелъ самъ докторъ. Увидѣвъ у себя клоуна въ смѣшномъ нарядѣ, съ измазанной мѣломъ и красной краской физиономіей, онъ остановился въ удивленіи на порогѣ и въ первую минуту не могъ произнести ни слова. Догадавшись, что это хозяинъ дома, мистеръ Дунди тотчасъ-же бросилъ свои шутки и почтительно подошелъ къ доктору.

— Простите меня... сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ. — У меня

боленъ мальчикъ, и я пришелъ попросить васъ къ нему. Но чтобы хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за вашу будущую услугу, я рѣшился повеселить вашихъ дѣтей... Не откажите, докторъ!.. Мальчикъ хвораетъ уже четвертую недѣлю, и я не имѣю средствъ, чтобы ему помочь... Спасите его... Помогите ему!..

На глазахъ у клоуна засвѣтились слезы.

— Да, папа, обратился къ отцу и Боря.—Помоги его Кадѣ! Я видѣлъ его въ циркѣ, познакомился съ нимъ и общалъ ему, что ты къ нему непременно приѣдешь!..

— Ну, если ужъ ты ему общалъ, улыбнулся докторъ,—то дѣлать нечего, надо ѣхать! А чай успѣемъ попить и потомъ!

И взявши клоуна за руку, онъ повелъ его къ выходу.

— Пойдемте, сказалъ онъ.—Ведите меня къ вашему Кадѣ!

Они сѣли на извозчика и поѣхали въ циркъ.

Часъ спустя, въ передней раздалися шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Кто-то несъ что-то тяжелое, и когда Фаня и Боря выглянули изъ-за двери, то они увидѣли, что въ комнату вошли папа и мистеръ Дунди, а за ними два челоуѣка несли на рукахъ больного Кадю.

— Вотъ сюда! Вотъ сюда! ука-

зывалъ докторъ.—Положите его здѣсь! Вотъ такъ!

Мальчика внесли въ пустую комнату и положили на постель.

Дѣти видѣли, какъ мистеръ Дунди горячо пожалъ руку ихъ отцу и какъ потомъ низко поклонился ему и ушелъ. А затѣмъ къ нимъ вошелъ самъ докторъ и сказалъ:—

— Боря! Фаня! У насъ теперь новый жилецъ! Подождите немного, пока его умоютъ и приведутъ въ порядокъ, а затѣмъ покажите ему свои игрушки и книги! Онъ останется у насъ совсѣмъ!

— Какъ совсѣмъ? съ удивленіемъ спросилъ Боря.—Онъ будетъ у насъ жить всегда?

— Да, я взялъ его къ себѣ,— отвѣтилъ докторъ.— У него нѣтъ ни матери, ни отца и онъ круглый сирота. Вы постараетесь быть съ нимъ ласковыми, какъ братъ и сестра, и я увѣренъ, что втроемъ вамъ будетъ веселѣе, чѣмъ вдвоемъ. А что будетъ дальше, тамъ увидимъ. А оставить его въ циркѣ на сквознякѣ никакъ нельзя.

Онъ снялъ съ себя скрутку и отправился въ спальную, чтобы помыть руки и переодѣться. Дѣти взвизгнули отъ радости и стали прыгать на мѣстѣ.

Теперь у нихъ былъ новый, неожиданный другъ.

Съ англійскаго М. Б.

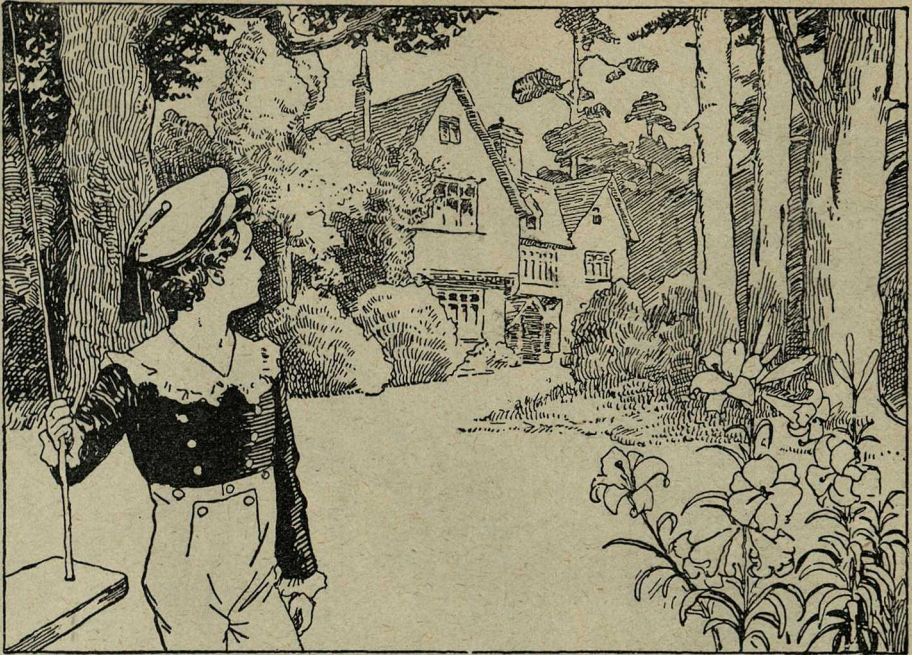

Скоро зима

Зайка спасся!

Я ПОМНЮ...

Я помню садъ. Въ немъ каждая дорожка
И каждый уголокъ знакомы были мнѣ...
Закрою лишь глаза, подумаю немножко
И вижу этотъ садъ какъ будто-бы во снѣ.

Черезъ него рѣчушка суетливо
Текла изъ края въ край къ безвѣстнымъ берегамъ,
Вились вездѣ дорожки прихотливо
И пышные цвѣты пестрѣли здѣсь и тамъ.

Вездѣ въ саду такъ много было тѣни,
Вездѣ кругомъ носился ароматъ
И старый домъ глядѣлъ изъ-за сирени
Такъ ласково, какъ старцы лишь глядятъ.

Я помню мать. Съ какою нѣжной лаской
Она всегда вела меня въ постель ко сну!
И няня милая брала чулокъ и съ сказкой
Садилась близъ меня къ столу или къ окну...

И стоитъ лишь закрыть глаза—и все бывшее
Въ подробныхъ мелочахъ стоитъ передо мной...
О, дѣтство милое! О, дѣтство золотое!
Какою радостной мелькнуло ты весной!

Левкой.

ВЪ СТАРОЙ БАШНѢ.

Были сумерки. Мама сидѣла за піанино и играла что-то необыкновенно хорошее. Стоявшій около нея ея маленькій сынъ Костя слушалъ ея музыку и чувствовалъ, какъ что-то удивительно нѣжное и пріятное тончайшей струйкой прямо изъ подъ ея пальцевъ лилось къ нему въ самое сердце.

— Что это ты играла, мама? спросилъ онъ ее, когда она окончила.

— Музыку Шопена, отвѣтила она.—Тебѣ нравится?

— Да... А что это значитъ „Шопень“?

— Это значитъ, что то, что я сейчасъ играла, сочинилъ Шопень.

Костѣ показалось страннымъ, что музыку можно было сочинять. До сихъ поръ онъ слышалъ, что сочиняли только стихи и повѣсти и рассказы, и онъ въ задумчивости спросилъ:—

— А кто такой былъ Шопень?

Мама посадила его къ себѣ на колѣнку и отвѣтила вопросомъ:—

— Хочешь я тебѣ про него расскажу?

Костя любилъ слушать, когда ему что-нибудь рассказывали или играли, и отвѣтилъ:—

— Расскажи!

Онъ заѣрзалъ на колѣняхъ у мамы, чтобы поудобнѣе усѣсться.

— Ну, такъ слушай, начала ма-

ма.—У пани-Плоны хлопотъ былъ полонъ ротъ. Въ свою усадьбу Волю близъ Варшавы неожиданно пріѣхалъ ея хозяинъ графъ Альбиновскій и привезъ съ собою своего друга князя Радзивилла. Вслѣдъ за ними съѣхалось много гостей. Пани-Плона была экономкой въ Волѣ и должна была позаботиться о всѣхъ, заранѣе протопить большой барскій домъ, въ которомъ давно уже не жилъ никто, а тутъ еще у нея самой была куча гостей, о которыхъ тоже нужно было позаботиться и которые требовали къ себѣ вниманія еще больше, чѣмъ взрослые. Это были ея четверо сиротъ-внучатъ, пріѣхавшихъ къ ней на лѣто изъ Варшавы погостить, и еще одинъ маленькій хрупкій девятилѣтній мальчикъ по имени Фредерикъ, или Фредъ, котораго они привезли съ собой. И теперь, когда всѣ эти дѣти играли на заднемъ дворѣ въ жмурки, пани-Плона просто сбивалась съ ногъ отъ массы хлопотъ и все приговаривала:

— Ахъ батюшки!.. Все-ли будетъ въ порядкѣ?.. Останутся-ли довольны князь и графъ?..

Къ пріѣзду князя все въ барскомъ домѣ было заранѣе вычищено, выколочено и переставлено. Пани-Плона старалась изъ всѣхъ силъ. На своемъ мѣстѣ осталось

только все то, что стояло въ старой башнѣ, въ комнатѣ давно уже умершей бабушки графа Альбиновскаго — графини Брониславы. Тамъ-же, у стѣны, стояло и старинное ея фортепіано съ клавишами изъ перламутра и съ бронзовыми букетиками и вѣночками, разбросанными по его красному дереву. Какъ разъ надъ самымъ этимъ фортепіано висѣлъ портретъ графини Брониславы, гдѣ она была изображена со строгими чертами лица и въ унизанномъ жемчугомъ чепцѣ. Ходила среди крестьянъ молва, что раза два или три въ годъ старая графиня Бронислава покидала свою раму, выходила изъ нея по ночамъ, садилась за свое любимое фортепіано и начинала играть. И какъ только раздавалось первое пѣніе пѣтуха, такъ она тотчасъ-же возвращалась къ себѣ въ раму и снова становилась портретомъ.

Уже смерклось. Пани-Плона стала созывать своихъ внучатъ къ ужину. На старинномъ дубовомъ столѣ уже стояла миска, до краевъ наполненная горячей молочной лапшой. Но такъ какъ въ усадьбѣ гостили знатные господа, то и къ столу дѣтей каждый вечеръ перепало что-нибудь вкусное. Въ этотъ вечеръ около ложки каждого лежало по сладкому слоеному пирожку.

— Да идите-же, дѣти, скорѣе! крикнула пани-Плона. — Лапша остынетъ!

Вацекъ, Стась, Каринка и Фрузя вбѣжали въ комнату и тотчасъ-же усѣлись вокругъ стола.

— А гдѣ-же Фредъ? Фредерикъ-то гдѣ? спросила пани-Плона.

Дѣти переглянулись.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказали они, гдѣ Фредъ? Онъ только сейчасъ былъ съ нами!

— Идите его искать! Онъ чужой и гость. Нельзя садиться ѣсть безъ гостя!

Дѣти отправились его искать, обшарили кусты, въ которыхъ онъ прятался, когда играли въ жмурки, оглядѣли всѣ гряды въ огородѣ, но его не было нигдѣ. Куда-же онъ могъ дѣться? Всѣ четверо остановились у угла брскаго дома и съ недоумѣніемъ стали переглядываться. Это была самая старинная часть дома, вся обвитая плющемъ и уцѣлѣвшая еще отъ рыцарскаго замка, который въ незапамятныя времена стоялъ на этомъ самомъ мѣстѣ и былъ потомъ разрушенъ во время войны. На каменной стѣнѣ башни была высѣчена голова льва и изъ ея рта день и ночь съ шумомъ бѣжала вода. Но дѣти не слышали ни журчанія этой струи, ни стука дятла на деревѣ, а жались другъ къ другу, какъ робкія овечки, и со страхомъ глядѣли на окно, выходившее изъ той самой комнаты въ башнѣ, въ которой стояло фортепіано и висѣлъ портретъ бабушки, выходившей иногда изъ рамы поиграть.

— Слышите? — спросил со страхом Вацекъ.

У всѣхъ ихъ теперь усиленно билась сердечки. Они собственными ушами слышали, какъ изъ окна

бабушкиной комнаты тянулись звуки стараго сладкоголоснаго фортепiano.

— Слышите? спросилъ со страхомъ Вацекъ.

— Да, — отвѣтила Фрузя. — Кто это?

— И ни у одного изъ нихъ не хватило храбрости двинуться съ мѣста, подойти поближе и заглянуть въ окно.

— Это пани-Бронислава вышла изъ рамы и играетъ!..

Всѣ окаменѣли на мѣстѣ.

Затѣмъ музыка прекратилась и когда дѣти пришли наконецъ въ себя, поискали еще немного своего гостя и возвратились домой, то маленькій Фредъ былъ уже дома и терпѣливо поджидаль, когда они вернутся, чтобы всѣмъ вмѣстѣ начать ѣсть.

— Ты слышалъ?.. обратились къ нему дѣти. — Пани Бронислава сейчасъ выходила изъ рамы и играла!

Но маленькій Фредъ, казалось, не слышалъ ничего. Онъ глядѣлъ въ одну точку, былъ занятъ своими собственными мыслями и взялся за ложку только тогда, когда пани-Плона прямо приказала ему: — Ышь!

— Гдѣ ты былъ? спросили его

дѣти.—Зачѣмъ ты прачешься и дразнишь насъ? Куда ты отъ насъ убѣжалъ?

Пани-Плона была обижена, что уже простыла лапша и что пришлось ее разогрѣвать снова, и даже не обратила вниманія на то, что разсказывали ей дѣти о музыкѣ въ старой башнѣ. Странная улыбка, игравшая до сихъ поръ на губахъ Фреда, смѣнилась вдругъ печалью, и онъ уныло поглядѣлъ на своихъ друзей.

Кончили ужинать и стали приготавливаться ложиться спать. — Каждый вечеръ дѣти обязаны были поливать передъ большимъ домомъ цвѣты. Пани-Плона вспомнила объ этомъ и спросила:—

— А цвѣты политы?

Дѣти переглянулись. Они полили вездѣ, но позабыли о цвѣтахъ, разставленныхъ въ бочкахъ на террасѣ, ведшей въ старинную часть дома. Теперь имъ было страшно туда итти. Тамъ еще такъ недавно выходила изъ рамы графиня-Бронислава и играла.

— Я пойду сейчасъ, полью! вызвался Фредъ и, взявъ лейку, побѣжалъ къ дому.

И вслѣдъ затѣмъ опять изъ комнаты графини-бабушки послышались звуки фортепiano. Дѣти испугались, прижались кучкой одинъ къ другому и сдѣлали большіе глаза.

— Слышите?.. говорили они шопотомъ другъ другу.— Опять играетъ!.. Она вышла изъ рамы..

Затѣмъ музыка прекратилась.

Черезъ нѣсколько времени Фредъ вернулся, тяжело дыша, точно послѣ долгаго бѣганья, раздѣлся, молча улегся въ постель, положилъ голову на подушку и закрылъ глаза, точно заснулъ.

— Ты слышалъ?.. спросилъ его тихонько Вадекъ — Пани-графиня опять играла!.. Неужели ты не боялся?

Но Фредъ не отвѣтилъ ничего. Скоро дѣти заснули, и въ домикѣ у пани-Плоны наступила тишина.

На слѣдующій день у графа Альбиновскаго были гости. Послѣ обѣда какой-то дворянинъ сѣлъ за рояль и одна барышня, слышавшая знаменитой пѣвицей, что-то спѣла.

Съ большимъ удовольствіемъ и восторгомъ слушали гости ея пѣніе. Вся зала притихла. Никто даже и не замѣчалъ, что въ это время у двери, спрятавшись за портьерой, стоялъ маленькій Фредъ и замеръ отъ волненія. Услышавъ въ первый разъ въ жизни пѣніе знаменитой артистки, онъ бросилъ своихъ товарищей и, какъ маленькій воришка, пробрался въ графскіе покои и спрятался тамъ за портьеру. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ внутренняго волненія, вызваннаго пѣніемъ и игрою артистки, и держалъ руку у сердца, чтобы умѣрить его учащенные удары.

Когда-же пѣвица окончила и

всѣ захопала, то онъ былъ въ такомъ восторгѣ, что не могъ сдержаться, выскочилъ изъ-за портьеры и тоже захопалъ въ ладоши.

— Bravo! bravo! закричалъ онъ. Это обратило на него вниманіе. Онъ не остался незамѣченнымъ.

Въ эту минуту въ залу вошелъ лакей.

— Это маленькій Фредъ,—доложилъ онъ. — Онъ гоститъ у пани-Плоны.. Это дитя скромныхъ простыхъ людей. Его отецъ — заѣзжій французъ, а мать его полька. Оба они были очень бѣдны и теперь

— Это маленькій Фредъ...

Сама графиня подошла къ нему и спросила съ удивленіемъ:—

— Чей это такой хорошенькій мальчикъ?

Гости подошли къ нему и стали его ласкать.

— Какой славненькій!.. говорили они.—Только блѣдный и съ грустными глазами.— Чей онъ? Кто это?

онъ гоститъ у пани-Плоны, и она относится къ нему, какъ къ своему. Онъ еще малъ, но кое-что уже смыслить по музыкѣ: онъ поетъ въ церкви и уже побренъкиваетъ на фортепіано...

Гости поговорили съ Фредомъ, приласкали его, графиня угостила его вареньемъ, но ему уже было стыдно, что онъ не сдержался и

Капризникъ.

А. В. Смирновъ Л. А. В. П.

Часъ обѣда.

выскочилъ съ крикомъ изъ-за портьеры, и онъ робко поблагодарилъ и такъ-же незамѣтно скрылся изъ гостиной, какъ и вошелъ въ нее, когда услышалъ пѣніе.

— Гдѣ ты былъ? спросили его товарищи, когда онъ возвратился домой.

— Слушалъ музыку и пѣніе... отвѣтилъ онъ. — Въ домѣ такъ хорошо пѣли!

Дѣти, которымъ никогда еще не случалось побывать въ домѣ и которыя испытывали родъ священнаго ужаса при одномъ только имени „графъ“, завистливо поглядѣли на свѣтившіяся окна графскаго дома.

— Вотъ-бы тамъ побывать!... воскликнулъ Вацекъ. — Говорятъ, тамъ золотая мебель и все цвѣты, цвѣты и конфекты...

Фредъ не отвѣтилъ, отошелъ въ сторону и сѣлъ въ темный уголокъ.

— Ну, нашъ Фредъ опять замечтался!.. воскликнула Фрузя. — Пойдемте лучше спать!

И всѣ четверо улеглись спать. Фредъ потихоньку всталъ, одѣлся и вышелъ изъ комнаты.

Наступила ночь. Взошла луна и съ рѣки вмѣстѣ съ прохладой потянулось трещаніе лягушекъ. Гости стали развѣзжаться. Артисты забрали свои инструменты и ноты и уѣхали, и въ окнахъ барскаго дома мало-по-малу стали гаснуть огни.

Графъ Альбиновскій и князь Радзивиллъ вышли на террасу.

— Какая ночь! воскликнулъ графъ. — Такъ-бы все время, глядѣлъ на луну и слушалъ, какъ трещать насѣкомыя и кричать лягушки!..

Князь Радзивиллъ улыбнулся.

— Ну, нѣтъ... отвѣтилъ онъ. — А я-бы съ большимъ удовольствіемъ послушалъ въ такую ночь игру, гдѣ-нибудь въ старомъ замкѣ, на старинномъ фортепіано, которая трогала-бы за душу и своими тихими звуками не нарушала-бы молчанія и красоты этой ночи...

— Что-жъ, отвѣтилъ графъ. — У меня есть и старая комната въ башнѣ и старинное фортепіано. Остается только пожелать, чтобы изъ своей рамы вышла въ эту ночь моя бабушка и стала играть...

И вдругъ изъ старой башни полились тихіе, то грустные, то мечтательные звуки фортепіано. Князь и графъ вздрогнули и переглянулись.

Что-бы это могло быть? Неужели крестьяне правы? Неужели это пани - Бронислава дѣйствительно вышла изъ рамы и стала играть на своемъ любимомъ фортепіано? А звуки все лились и лились то торжествующіе, то унылые, похожіе то на вѣяніе вѣтерка, то на журчаніе ручья, или на ласковый лѣтній день съ надвигающейся благодатной, многожданной грозой.

Графъ и князь стояли въ недоумѣннн и въ то-же время полные восторга, и слушали до тѣхъ поръ, пока звуки не замолкли совсѣмъ. Залитый луннымъ свѣтомъ фонтанъ, высѣченный въ видѣ головки льва, по прежнему выбрасывалъ изъ-за разросшагося плюща свою прохладную струю, которая казалась теперь сдѣланной изъ брилліантовъ. Хлопнула гдѣ-то дверь и затѣмъ съ крыльца флигеля тяжело спустилась пани-Плона, подошла съ кувшиномъ къ фонтану и зачерпнула воды.

— Ты слышала, пани, музыку? обратился къ ней графъ.— Ты не знаешь, кто-бы это могъ играть въ старой башнѣ?

Пани-Плона была туга на ухо, поняла не сразу, — и равнодушно отвѣтила:—

— Это вамъ вѣроятно, померещилось, ясновельможный панъ! Вѣроятно, и вы тоже, сіятельный графъ, вѣрите въ нечистыхъ духовъ, чтобъ имъ не было добра на этомъ свѣтѣ! Мои дѣтишки уже рассказывали мнѣ, что въ башнѣ кто-то играетъ. Но я ихъ ругнула и сказала имъ, что ихъ отколочу. Вотъ уже сколько лѣтъ въ старую башню не входилъ никто! Одинъ только маленькій Фредъ и ходитъ туда, чтобы полить на террасѣ цвѣты...

Одинъ только маленькій Фредъ... Хозяинъ дома и князь слышали это имя сегодня уже во вто-

рой разъ. Графъ съ особеннымъ выраженіемъ кивнулъ князю Радзивиллу головой, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ. Пани-Плона ушла съ водою къ себѣ во флигель и вслѣдъ затѣмъ изъ окна башни снова полились звуки стариннаго фортепіано пани-Брониславы.

Минуту спустя, графъ и князь уже стояли въ башнѣ, на порогѣ комнаты графини-Брониславы, слушали эти звуки и не вѣрили глазамъ.

Лунный свѣтъ щедро вливался въ комнату черезъ большое готическое окно и освѣщаль портретъ графини-Брониславы. За фортепіано, точно маленькій эльфъ, сидѣлъ худенькій Фредъ и пальчики его бѣгали по перламутровымъ клавишамъ. Его игра была такъ удивительно чиста и нѣжна, что казалось, будто веселые эльфы покинули чашечки своихъ душистыхъ цвѣтовъ и заплясали въ лунномъ свѣтѣ. Это были милые образы, которыхъ до Фреда не вызывалъ еще никто. Хозяинъ дома и его гость, полные изумленія, стояли неподвижно и слушали необыкновеннаго маленькаго артиста.

Мальчиѣ бросилъ взглядъ въ бокъ и увидѣлъ, что онъ не одинъ. Кто-то чужой ворвался въ волшебный міръ его звуковъ и грезъ и могъ ему помѣшать. И съ пылающимъ взоромъ онъ вскочилъ изъ за фортепіано и бросился къ

двери, чтобы черезъ нее убѣжать къ себѣ домой, но какъ разъ на его пути стояли графъ Альбиновскій и князь Радзивиллъ. Князь удержалъ мальчика у самой двери, ласково взялъ его за плечи и, полный восторга и удивленія, заглянулъ ему въ самые глаза.

— Кто ты? спросилъ онъ.—Что это ты сейчасъ игралъ? Кто это тебя училъ?

Мальчикъ съ испугомъ поглядѣлъ на князя.

— Это я... робко заговорилъ онъ.—Маленькій Фредъ... Простите меня, я больше не буду никогда...

— Но что это ты сейчасъ игралъ? повторилъ князь.

— Не знаю... продолжалъ мальчикъ и вдругъ отъ страха заплакалъ.—Я игралъ здѣсь то, что мнѣ приходило въ голову... Я сочинялъ.

Онъ взвизгнулъ и, вырвавшись изъ рукъ князя Радзивилла, бросился бѣжать. Князь и графъ молча глядѣли другъ на друга и долго не могли произнести ни слова. Они слишкомъ были удивлены. Хлопнула дверь во флигелъ и они поняли, что маленький Фредъ уже былъ у себя дома. Онъ прибѣжалъ домой, блѣдный и запыхавшись, и боясь, какъ-бы его не наказали за то, что онъ пробрался въ балню и игралъ на чужомъ фортепіано. Его застали на мѣстѣ преступленія и теперь онъ не могъ ничѣмъ отговориться. И онъ лежалъ у себя въ постели, уткнувшись ли-

цомъ въ подушку, и плакалъ, плакалъ безъ конца.

— Господи, бормоталъ онъ.—Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Зачѣмъ я тамъ игралъ!.. Теперь пани-Плона узнаетъ и будетъ недовольна!

А въ это время князь Радзивиллъ и графъ Альбиновскій стояли все на томъ же мѣстѣ и многозначительно поглядывали другъ на друга.

— Этотъ мальчикъ — талантъ... сказалъ наконецъ графъ.— Онъ игралъ здѣсь свои сочиненія и игралъ, какъ взрослый музыкантъ.

— Нѣтъ, возразилъ князь Радзивиллъ,—онъ не талантъ, а больше: онъ будущій геній! Ему нужно теперь учиться, чтобы развить свой талантъ еще больше. Ему нужна щедрая рука, которая могла-бы ему получить хорошее образованіе и сдѣлаться впоследствии великимъ музыкантомъ. Я беру его образованіе на себя!

Такъ говорилъ благородный князь. Его другъ сочувственно закивалъ ему головой, а затѣмъ оба вмѣстѣ они отправились къ флигелю, въ одномъ изъ оконъ котораго еще свѣтился огонекъ.

— Пани-Плона, вы еще не спите?—крикнулъ графъ.

Изъ окна тотчасъ-же высунулась голова пани-Плоны.

— Нѣтъ, нѣтъ, ясновельможный графъ, отвѣтила она.—Я еще не сплю. Что угодно вашему сіятельству мнѣ приказать?

Графъ и князь подошли къ само-

му окошку и долго потихоньку о чемъ-то говорили. Она охала, изумлялась и то и дѣло повторяла: —

— Ой, Боже мой! Ахъ, Матерь Божія! Такъ неужели-же вы хотите воспитать этого маленькаго сироту? Неужели вы хотите взять его образование на себя? Вѣдь онъ только маленькій Фредъ и больше ничего!

На слѣдующее утро графъ Альбиновскій и его гость стояли на терассѣ большого дома и смотрѣли, какъ внуки пани Плонны и маленькій Фредъ играли въ жмурки. Мальчуганъ заливался такимъ веселымъ смѣхомъ, какъ будто-бы вчера ничего и не случилось. Засмѣялся въ свою очередь, глядя на него, и самъ князь Радзивиллъ. При взглядѣ на мальчика, у него на сердцѣ стало тепло. Онъ подозвалъ его къ себѣ какъ разъ въ самый тотъ моментъ, когда товарищи собирались завязать ему глаза.

— Поди сюда, маленькій Фредъ! крикнулъ онъ ему.

Когда Фредъ подошелъ къ нему онъ крѣпко обнялъ его за плечи, прижалъ его къ себѣ и сказалъ:—

— Я слышалъ вчера, какъ ты игралъ. Ты увлекъ меня и поработилъ своей игрою. Теперь я работаю тебя и не возвращу тебѣ свободы до тѣхъ поръ, пока ты, маленькій Фредъ, не сдѣлаешься великимъ музыкантомъ и великимъ Фредерикомъ Шопеномъ!

Глаза мальчика весело заблестали.

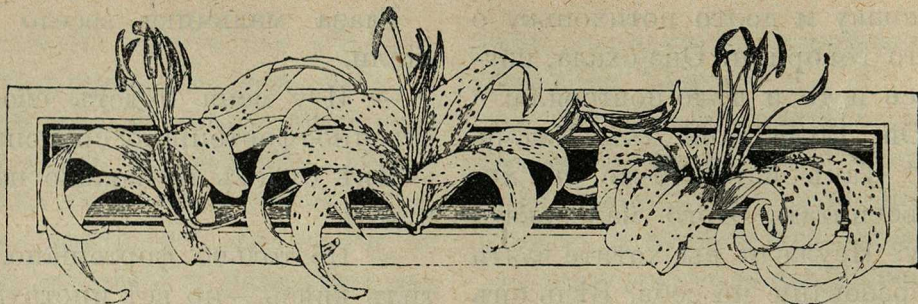
— И у меня будетъ свое собственное фортепiano? спросилъ онъ. — Мнѣ будетъ позволено на немъ играть?

— Не только фортепiano, отвѣтилъ князь,—но всѣ инструменты, какіе только есть на землѣ!

Затѣмъ подали лошадей. Князь сѣлъ въ экипажъ, усадилъ съ собою маленькаго Фреда, кучеръ потянулъ за вожжи, и они уѣхали изъ усадьбы совсѣмъ.

И сталъ изъ мальчика Фреда въ послѣдствіи великій музыкантъ Фредерикъ Шопень. Слава о немъ прогремѣла по всему свѣту, его музыкой восхищались короли и нѣтъ теперь ни одной семьи на землѣ, въ которой любятъ музыку и въ то-же время не знали-бы Шопена. Вотъ сейчасъ ты слышалъ, какъ я играла ноктюрнъ. Ты первый спросилъ меня, чья это музыка, — значитъ, она произвела впечатлѣніе и на тебя.

Мама спустила съ колѣнъ Костю и снова стала играть. Все еще думая о маленькомъ Фредѣ и объ его музыкѣ, онъ долго еще простоялъ около піанино, и глядѣлъ, какъ по клавишамъ быстро быстро бѣгали пальцы мамы и прислушивался, какъ изъ-подъ нихъ вылетали звуки, которые когда-то сочинилъ маленькій, худенькій блѣднолицый Фредъ.

КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Исторія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

III. У дядюшки.

На слѣдующій день въ пятомъ часу, въ далекой синевѣ степи передъ тетушкой Марфенькой и Сережей уже мелькнула Одесса. Сережа видѣлъ передъ собою только блестящія отъ церквей главы, много зелени и дымъ отъ заводовъ, но никакъ не могъ разглядѣть, гдѣ море, гдѣ корабли величиною съ ихъ хуторъ и гдѣ домъ дядюшки, который почему-то казался ему такимъ большимъ, что могъ-бы быть видѣнъ за нѣскольکو версть.

— Да гдѣ же море, тетя? то и дѣло спрашивалъ онъ у тетки. — Гдѣ корабли?

Тетушка Марфа Петровна и сама искала ихъ, да никакъ не могла найти.

„Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они?“ разсуждала она. — „Вѣдь море не иголка, сразу увидишь!“

Но вотъ поѣздъ въѣзжаетъ въ

цѣлую сѣть рельсъ, по дорогѣ попадаются вереницы товарныхъ вагоновъ, локомотивы, водокачки, почернѣвшее отъ дыма депо, стрѣлочники и, наконецъ, въ окнахъ мелькають уже столбы крытой платформы вокзала, жандармы, начальникъ станціи, и толпы встречающихъ и провожающихъ. Раздается свистокъ и поѣздъ останавливается. Шестисотъ версть какъ не бывало!

Полчаса спустя, тетушка Марфенька и Сережа уже ѣхали по улицамъ, обсаженнымъ акаціями, рядами тянувшимися вдоль тротуаровъ. Акаціи цвѣли бѣлыми гроздьями и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стоялъ сладкій аромать. Миновали шумные кварталы и въѣхали въ тихую, окраинную часть города, гдѣ вовсе не было движенія, на окнахъ были закрыты ставни и казалось, что всѣ спали.

Они и не знали, что въ южныхъ городахъ въ жаркіе дни жизнь затихаетъ и только вечеромъ открываются окна и люди выходятъ на воздухъ.

Но вотъ и улица, на которой живетъ Семень Петровичъ, вотъ и его домъ, маленькій, низенькій, въ три окна, весь заросшій кустами, доходящими до самой черепичной крыши. Извозчикъ остановился у воротъ, и Марфа Петровна съ трепетомъ толкнула калитку. Калитка оказалась запертой. Она дернула въ звонокъ и вдругъ цѣлая стая собакъ съ лаемъ бросилась къ воротамъ. — „Ну, васъ!“ раздавался чей-то голосъ по ту сторону забора. — „Ишь, разлаялись! Пошли на мѣсто!“ И вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась и въ ней показалась полная женщина съ сѣдыми волосами.

— Здравствуйте, сказала она. — Вамъ кого?

— Здѣсь Семень Петровичъ живетъ? спросила Марфа Петровна.

— Здѣсь... А вамъ на что?

— Можно ихъ видѣть? Скажите имъ, что харьковскіе родственники къ нимъ приѣхали!..

Женщина сразу преобразилась.

— Ахъ, родненькіе!.. воскликнула она. — Да пожалуйста же къ намъ скорѣе! Побѣгу Семену Петровичу скажу!

И она чуть не бѣгомъ бросилась черезъ весь дворъ и скоро вмѣсто нея выбѣжалъ человекъ съ

сѣдѣной бородой и добрымъ лицомъ. Это былъ самъ Семень Петровичъ.

— Голубушка моя! воскликнулъ онъ, раскрывая руки для объятій. — Сестрица! Милая моя! Сколько лѣтъ! Сколько зимъ!

Марфа Петровна заплакала и бросилась брату на грудь. Изъ дома выскочили двѣ дѣвочки и гимназистъ, схватили узелки; уставшія лаять и сообразившія, въ чемъ дѣло, собаки визжали и ласково виляли хвостами, а женщина, отворявшая калитку, все время хваталась то за узелъ, то за чемоданъ и все приговаривала:

— Ахъ, Господи!.. Охъ, батюшки!

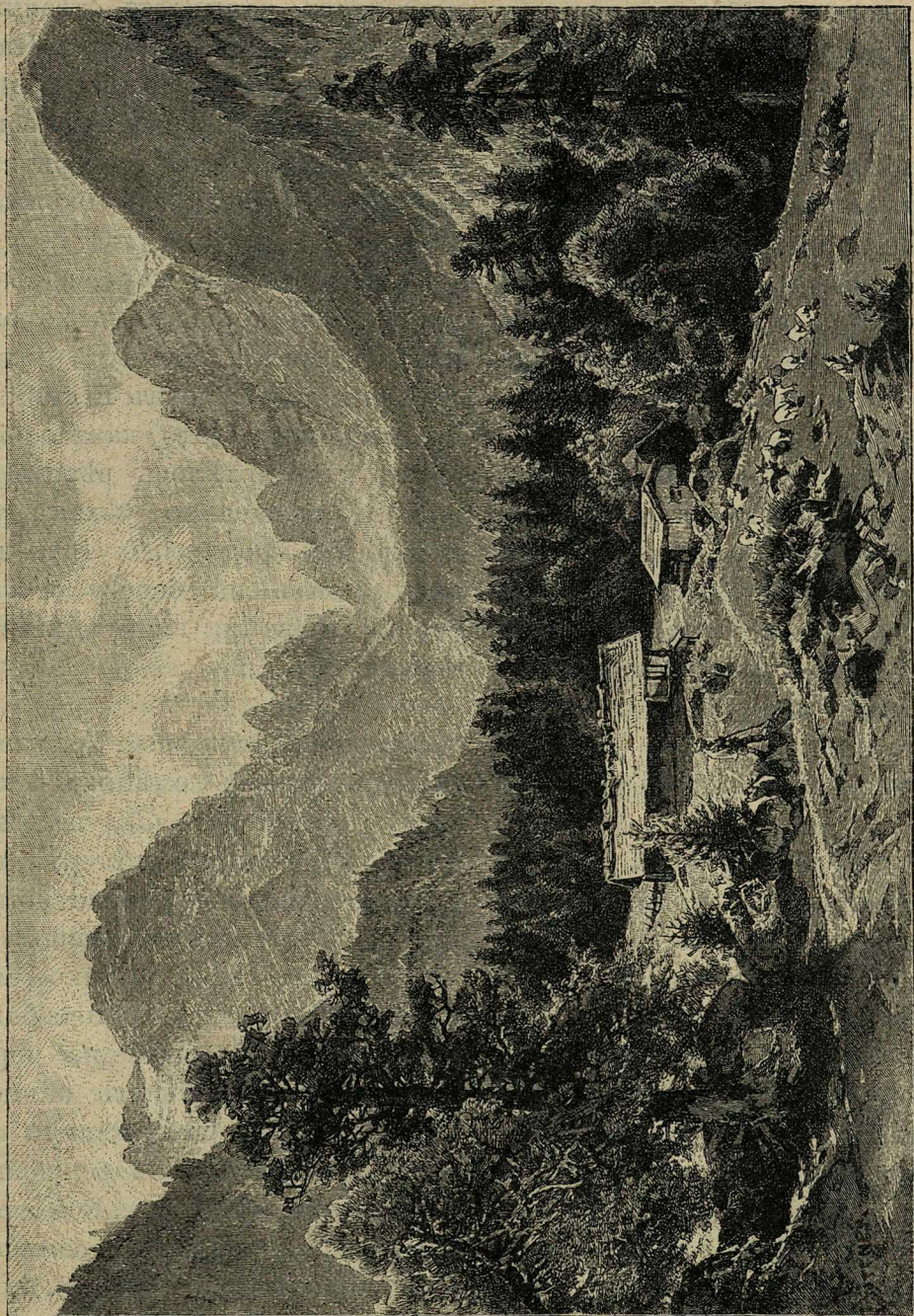
— Да будетъ тебѣ ахать и охать! обратился къ ней Семень Петровичъ. — Пойди-ка лучше, няня, столъ поскорѣе накрой!

Няня съ узлами побѣжала впередъ, а счастливая отъ радушнаго пріема Марфа Петровна, окруженная семьей брата и все еще растроганная до слезъ, отправилась въ домъ и не вѣрила, что она наконецъ у брата.

Столъ былъ накрытъ на дворѣ въ кружкѣ, образованномъ кустами розъ, вплосную усѣянными цвѣтами. Суется и бѣгая, насколько ей позволяла ея полнота, няня устала столъ, чѣмъ Богъ послалъ, принесла самоваръ и заварила чай, а двѣ дѣвочки нарвали букетъ изъ розъ и поставили его

Въ недрѣхъ.

Въ горной долинь.

въ комнатѣ, отведенной для гостей. А когда пообѣдали и запили обѣдъ чаемъ, то Семень Петровичъ обратился къ гимназисту:

— Николенька, сказалъ онъ, — ты-бы поводишь Сережу по городу, показалъ ему море, каменную лѣстницу! До вечера еще успѣете!

Николенька и Сережа вскочили изъ-за стола, насилиу нашли свои фуражки, которыя со встрѣчей куда-то затерялись, и побѣжали гулять.

На городъ спустился нѣжный, теплый вечеръ. Вездѣ открылись окна, отворились тяжелыя ставни и на тротуарахъ появилась публика. Въ воздухѣ еще гуще скопился ароматъ отъ бѣлыхъ акацій, по временамъ мѣшавшійся съ запахомъ маслинъ и розъ, доносившимся изъ чьего-нибудь палисадника.

И вотъ Сережа у моря. Громадная каменная лѣстница, сажень на семьдесятъ, тянется передъ нимъ внизъ, направо виднѣется лѣсъ мачтъ, тамъ и сямъ мелькаютъ паруса и горизонтъ едва замѣтной линіей отдѣляетъ небо отъ воды. Все это покрыто лучами заходящаго южнаго солнца и кажется Сережѣ чѣмъ-то чужимъ, не-русскимъ, точно за-границей. По каменной лѣстницѣ Сережа и Николенька спускаются внизъ и берегомъ идутъ къ кораблямъ. Мимо нихъ, шипя и свистя, проходить товарный поѣздъ и едва

только они подходятъ къ пристанямъ, какъ начинается отваливать большой черный пароходъ. На пароходѣ и на берегу махаютъ платками и откуда-то издали доносится пѣніе нѣсколькихъ голосовъ: это рабочіе притягиваютъ баржу къ берегу.

Такъ вотъ оно море, вотъ они пароходы, которые такъ хотѣлось видѣть Сережѣ!

И онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на нихъ и все это казалось ему сномъ и не хотѣлось вѣрить, что онъ дѣйствительно уѣхалъ такъ далеко отъ родного хутора и теперь стоитъ на берегу и самъ, своими глазами, видитъ всю эту картину.

Прошло десять дней. Теплые, ясные дни разомъ смѣнились холодомъ и непогодой. Задулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ, пыль облаками стала носиться по улицамъ, деревья пригибались къ землѣ. До этого ласковое, тихое, море, вспѣнилось, заворчалло и сердитыми волнами полѣзло на берегъ. Иногда надъ городомъ нависали черныя тучи, раздражались громомъ и молніей и въ безпорядкѣ, безъ дождя, уходили. Всѣ тротуары были покрыты слоемъ осыпавшихся цвѣтовъ акацій, и каждый вечеръ съ моря доносилось суровое ворчанье волнъ. Сережа не любилъ этого ворчанья. Увидавъ однажды бушующее море и

еле держась отъ вѣтра на краю обрыва, онъ испугался этой массы бѣснующейся воды и, такъ еще недавно восхищавшійся моремъ, возненавидѣлъ его отъ всей души.

Въ одинъ изъ такихъ бурныхъ вечеровъ, когда Марфа Петровна, собравъ вокругъ себя дѣтишекъ, рассказывала имъ малороссійскія сказки, въ комнату вошелъ запоздавшій Семень Петровичъ. Онъ помолился на образа, перецѣловалъ всѣхъ дѣтей и сѣлъ рядомъ съ сестрою.

— Сказки рассказываете? спросилъ онъ.—Ну, вотъ и хорошо! Послѣ матери-то имъ некому рассказывать: мнѣ не до сказокъ, а няня не умѣетъ... Спасибо вамъ!

— Неначѣмъ, братецъ... отвѣтила она.—Я и сама до смерти люблю съ дѣтьми разговаривать.

Семень Петровичъ дождался окончанія сказки и, когда дѣтей уложили спать, онъ подозвалъ къ себѣ сестру и провелъ ее въ кабинетъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами о Сережѣ, сказалъ онъ, усаживая ее на диванъ.—Можете вы меня выслушать?

— Съ удовольствіемъ, братецъ, отвѣтила она и почему-то встревожилась.

— Есть у меня одинъ знакомый капитанъ, началъ Семень Петровичъ,—который весь свѣтъ объѣздилъ на своемъ пароходѣ. Хорошій господинъ, образованный

такой... Ну, такъ вотъ онъ приплылъ вчера въ Одессу,—и сейчасъ ко мнѣ, увидаль меня на гавани. Начались разспросы, что и какъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что я замолвилъ ему словечко за Сережу. Онъ охотно согласился взять его на пароходъ и обучить его морскому дѣлу. За столъ и за ученье всего по 15 рублей въ мѣсяцъ беретъ. Учиться-же надо не менѣе пяти лѣтъ.

— Ахъ, братецъ... сказала Марфа Петровна.—Ну, гдѣ же намъ взять по 180 рублей въ годъ? Дома живу, слава тебѣ Господи, полной чашей, все свое, не нуждаюсь ни въ чемъ, а денегъ гдѣ взять? Мы вѣдь денегъ на хуторѣ совсѣмъ почти и не знаемъ!

— Да ужъ насчетъ этого вы не беспокойтесь, отвѣчалъ Семень Петровичъ.—Всѣ издержки я беру на себя. А дѣло хорошее, вы не упускайте его... Научится Сережа,—самъ капитаномъ будетъ... Такія деньги загребать начнетъ, что и рукой до него не достанешь! Что-жъ вы согласны?

Тетушка Марфенька помедлила отвѣтомъ.

— Ужъ какъ вы сами, братецъ, посоветуете... сказала она наконецъ.

— Ну, такъ медлить нечего... продолжалъ Семень Петровичъ.—Завтра въ ночь пароходъ отходитъ, а потому поспѣшите, сестрица... Уложите бѣлье, платье, са-

поги, да я еще отъ себя Серезѣ кое-что еще куплю... И Господь его благословить! Хорошій изъ него капитанъ выйдетъ!

На слѣдующій день, съ самаго ранняго утра начались сборы. Марфа Петровна заботливо укладывала Серезино бѣлье, няня пекла на дорогу пирожки и пышки, дѣвочки и Николенька увязывали для своего пріятеля краски, кисточки, бумагу и т. п., а Семень Петровичъ часа четыре переходилъ изъ магазина въ магазинъ, пока наконецъ не купилъ для племянника полного костюма, начинающая отъ сапогъ и кончая фуражкой. Однимъ словомъ, во весь этотъ день въ домѣ Семена Петровича стояла суета.

А между тѣмъ буря не прекращалась. Когда подъ вечеръ Марфа Петровна и Семень Петровичъ повезли Серезу на гавань, то пыль по-прежнему цѣлыми облаками носилась надъ городомъ, залѣпляла глаза и темными пятнами ложилась на мокрыхъ отъ слезъ щекахъ Серези. Деревья метались изъ стороны въ сторону, сбрасывали съ себя цѣлый дождь листьевъ и цвѣтовъ, а по небу клочьями ползли обгонявшія другъ друга облака. Плохая была погода!

Но вотъ съѣхали къ морю. Здѣсь было еще хуже: скрипѣнье шхунъ и баржъ, шумъ волнъ, вой вѣтра въ корабельныхъ снастяхъ—все это навело на Серезу страхъ.

— Дяденька, я не утону? спросилъ онъ дрожавшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Серезенька... отвѣчалъ дядя.—Такия-ли бываютъ бури!

У берега, мѣрно покачиваясь съ боку на бокъ, стоялъ маленькій рейдовой пароходикъ и дымилъ. Онъ собирался отчаливать отъ берега и рабочіе, бѣгая по узенькому мостику, поспѣшно нагружали его кулями. На этомъ пароходикѣ Сереза долженъ былъ доѣхать до рейда и тамъ пересѣсть на большой пароходъ „Дельфинъ“, капитаномъ котораго былъ пріятель Семена Петровича.

Раздался свистокъ. Семень Петровичъ поцѣловалъ мальчика въ голову, а Марфа Петровна прижала его къ груди и долго потомъ крестила.

Сереза плакалъ. Онъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ поплыветъ, не зналъ, чему онъ долженъ былъ учиться и скоро-ли возвратится обратно, и это заставляло его плакать еще больше.

— Ну, Серезенька, прощай! сказалъ Семень Петровичъ.—Рости большой и будь умникомъ... Слушайся старшихъ и передай капитану вотъ это письмо... Да смотри, въ воду при пересадкѣ не попади! Прощай..

Серезу кто-то ввелъ на капитанскую площадку, приказалъ ему крѣпко держаться за перила и не упасть, и ушелъ. Раздался другой свистокъ, третій, и пароходикъ,

подхваченный волной, какъ мячикъ, отскочилъ отъ берега и, переваливаясь изъ стороны въ сторону, понесся по волнамъ. Сережа крѣпко ухватился за перила и уже не плача, а чувствуя передъ моремъ ужасъ, сталъ смотрѣть на берегъ. Но въ сумеркахъ онъ не увидалъ своихъ. Онъ видѣлъ передъ собой только рядъ фонарей на набережной, да разбросанные по горѣ огоньки. А больше онъ не увидѣлъ ничего.

— Сереженька, прощай!.. донесся до него еле слышный голосъ съ берега.

Сережа услышалъ его и еще крѣпче схватился за перила. Это былъ послѣдній звукъ, который донесся до него съ берега, а дальѣе онъ слышалъ только шумъ волнъ внизу и иногда подергивалъ плечами, когда налетавшій шквалъ обливалъ его съ ногъ до головы. Около него мокрый матросъ вертѣлъ взадъ и впередъ какое-то колесо со спицами и все время не сводилъ глазъ съ ярко освѣщеннаго циферблата. Изъ трубы вылеталъ цѣлый дождь искръ.

Но вотъ гдѣ-то сзади показался красный огонь и далеко отразился на кипѣвшихъ волнахъ. Это зажгли маякъ. Затѣмъ показался цѣлый рядъ огоньковъ впереди. При приближеніи къ нимъ Сережа сквозь темноту увидалъ мачты и большіе корабли. Это и былъ рейдъ.

— Есть пассажиры? донеслось съ одного изъ пароходовъ.

— Есть! крикнулъ человѣкъ, появившійся вдругъ около Сережи.

— Приставай къ баржѣ! донесся снова голосъ.

— Давай конецъ! снова крикнулъ человѣкъ, стоявшій рядомъ съ Сережей.

Въ этотъ моментъ что-то тяжелое, точно съ неба, упало около Сережи и шесть человѣкъ схвативши его, стали тащить за привязанный къ нему канатъ. Это съ большого парохода бросили гирю съ привязаннымъ къ ней канатомъ. Начались крики, суета. Съ „Дельфина“ доносилась какая-то неясная команда и маленькій пароходикъ потихоньку сталъ къ нему приставать. Теперь Сережа уже ясно могъ различить въ „Дельфинѣ“ большой пароходъ съ массою огней и кучей толпившагося на немъ народа. Пароходикъ присталъ къ баржѣ, доверху наполненной товаромъ, которая бокъ-о-бокъ стояла съ „Дельфиномъ“.

— Мостки! крикнулъ кто-то.

— Есть! послышался отвѣтъ.

И рыжій господинъ, тотъ самый, который приказалъ Сережѣ крѣпче держаться за перила, взялъ его за руку и по узкому мостику свелъ его на баржу, а съ баржи на большой пароходъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Стояли два человѣка: одинъ лицомъ на сѣверъ, а другой—лицомъ на югъ. Какъ они могли увидѣть другъ друга, не поворачивая головы.

II.

Когда наборщикъ набиралъ первую строчку извѣстнаго стихотворенія Пушкина, то буквы у него рассыпались. Онъ ихъ собралъ и, конечно, онѣ оказались въ безпорядкѣ. Вотъ что получилось:

Бочка заботы птица низа тру жияетъ нени.

Исправить эту строчку и прочитать.

III.

Задуманы три слова, означающія:—

1) Надоѣдливое насѣкомое, которое летаетъ.

2) Надоѣдливое насѣкомое, которое ползаетъ.

3) Пѣвчую птицу.

Взять отъ перваго изъ этихъ словъ первой слогъ, отъ втораго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее названіе насѣкомаго, живущаго болшимъ обществомъ.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Когда муха летитъ быстрѣе курьерскаго поѣзда?

V.

Мальчикъ заглядывалъ въ щель забора. Это не понравилось са-

довнику и онъ на него прикрикнулъ. Мальчикъ испугался и убѣжалъ. Почему онъ убѣжалъ?

VI.

Задуманы названія двухъ большихъ русскихъ городовъ и поставлены рядомъ. Оба вмѣстѣ, они состоятъ изъ одиннадцати буквъ: 1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10 . 11. Буквы 4 . 7 . 5 . 9 . 8 . 11 означаютъ принадлежность гостинной, 4 . 5 . 6 . 3 . 11 — русскій любимый напитокъ, 1 . 2 . 10 . 7 . 4 . 2 — то, безъ чего невозможно прожить ребенку, 3 . 7 . 4 . 2 . 10 . 11 — хищную птицу, употреблявшуюся въ прежнія времена для охоты, 3 . 2 . 8 . 7 . 4 . 6 — хищную птицу, очень обыкновенную въ деревнѣ, 5 . 6 . 4 . 3 . 6 — то, что даетъ блескъ.

Какія это слова и названія какихъ городовъ задуманы?

VII.

Зачѣмъ мы каждый день обѣдаемъ?

VIII.

Задуманы три слова означающія:

1) Домашнее хищное животное.

2) То, что для каждаго изъ насъ дороже всего на свѣтѣ.

3) То, по чему бѣжитъ вода.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ названіе хищной птицы. Послѣдніе-же слоги этихъ задуманныхъ словъ должны также составить названіе того, по чему бѣжитъ вода.

Какія слова задуманы и какая это птица?

IX.

Если взять сотню безобразныхъ лицъ, то что выйдетъ?

X.

— Отецъ этой дѣвочки — сынъ моего отца; но у меня-то самого нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ. Кто-же отецъ этой дѣвочки?

XI.

Въ кошелькѣ было всего только три гривенника. Три мальчика подѣлили ихъ между собой, но такъ, чтобы каждому досталось деньгами только по гривеннику.

Послѣ дѣлежа въ кошелькѣ все-таки остался одинъ гривенникъ. Какъ это могло случиться?

XII.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1.2.3.4.5.6.7.8.9. Буквы: 3.7.4.7.1.5 — означаютъ то, что носятъ короли, 6.7.4.7.3.5 — хищную птицу, 6.7.8.5 — хищную ночную птицу, 6.7.6.4.5 — хвойное дерево, 8.2.6.4.5 — время года, 8.7.6.3.9 — то, изъ чего дѣлаютъ свѣчи.

Какія это слова и фамилія какого писателя задумана?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 1, помѣщенныхъ въ № 1 «Золотого Дѣтства».

Головоломки. I) Сани, Поле, Гитара, = Сапоги. II) Виноградъ, Страусъ, Плотникъ. = Градусникъ. III) Пестъ + рота = пестрота. IV) Оси + на (осина), и + ва (ива), ряби + на (рябина), со + + спа (сосна), . . . ель . . . то + поль (тополь). V) По воздуху. VI) Львы никогда не были въ вашей квартирѣ. VII) Жиръ, вино, книжникъ, ножъ, рынокъ = крыжовникъ. VIII) Смо + родина. = смородина. IX) Дыра. X) Три яйца, такъ какъ всего было три человѣка: дѣдушка, отецъ и сынъ. Дѣдушка и отецъ—это два отца, отецъ и сынъ—это два сына.

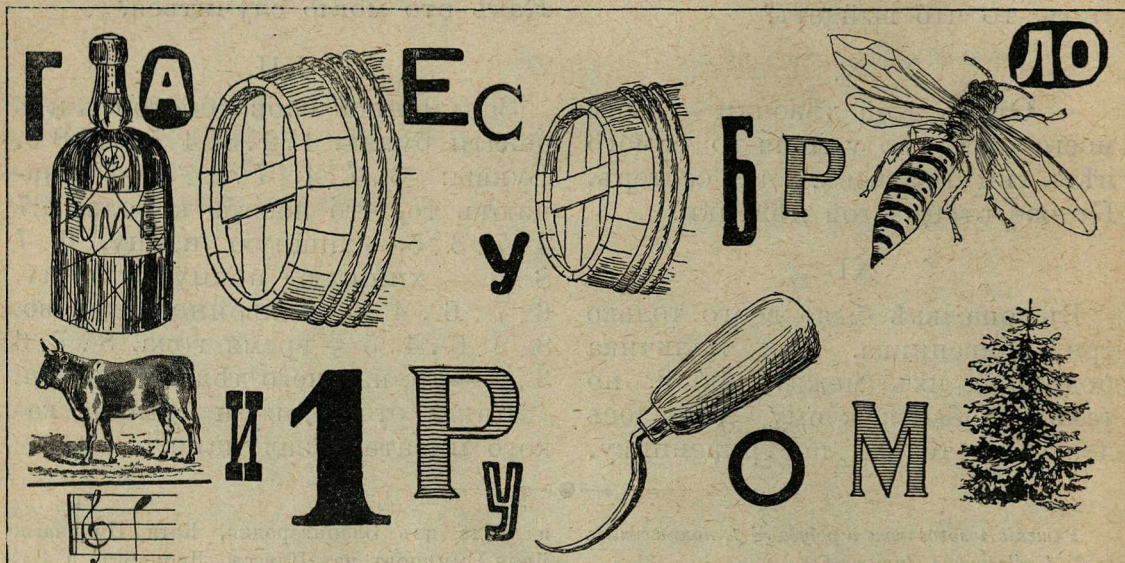
Ребусъ № 1: Часъ + то + разъ + судокъ + собаки + изба + вляетъ + чело + вѣка + отъ + + н + ужъ + ды = Часто разсудокъ собаки избавляетъ человѣка отъ нужды.

Вѣрные рѣшенія прислали: Коля Сироткинъ, Лелюся Вигура, Женя Дюкова, Коля Зафировъ, Валя и Володя Вяткины, Станиславъ Маркевичъ, Женя Будницкая, Маруся, Боря и Шура изъ Саринки, Сима, Коля и Вова Крымовы, Шура Конде-Марквотъ-фонъ-Ренгартенъ, Юрій Думаревскій, Тася Долганова, Таня, Лида, Муха и Сара Сибиряки, Гриша и Роза Гинзбургъ, Галочка Тулубева, Саша Аваевъ, Оля

и Лида изъ Звенигородки, Катя Цуцунава, Леня Смирновъ изъ Плесса, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Валя Петровъ изъ Шуи, Шура Залогинъ, Володя, Боря и Шура Заксъ, Павелъ Цукерманъ, Вѣра, Люся, Мари Ляхоцкія, Владиміръ Страшниковъ, Ваня Ереминъ, Лида и Лена Добровольскія, Варя Маслова, Юсь Маленькій изъ Ворожбы, Кира Бартенева, Паня, Коля и Миша-Богатырь Трофимовы, И. Максимовъ, Ларисса Багинская, С. Бургеръ, Андриша, Нина и Боба Павлухины, Саша Аваевъ, Антонина Кормина, Коля Краузъ, Хелюся Хошевичъ, Шурочка Артемьева, Татьяна Сергѣева, Алечка Рудянская, Саша Ш. Надя Тихонравова, Лена Смирнова изъ Плесса, Жоржикъ и Соня Скарятинины, Вася Костригинъ, Оля Бредова, Маня Донкова, Лидочка и Нонночка Пузыревы, Марія Иванова изъ Ялты, Нюша, Беби и Лена Ракъ, Нина и Вадя Хенкины, Шура и Максимъ Надельманъ, Зина Сапозкова, Жоржикъ Березко, Миша Виглянский, Мусикъ, Марусикъ и Шурикъ изъ Верховажья, Нюра Высоцкая, Боря Соловьяковъ, Лея Петерсонъ, Марина Давилова, Вѣрочка Макшеева, Митя Рязановъ, Свѣтикъ и Женя Вамберскіе, Володя, Боря и Шура Заксъ, Жака Эспозито, Коля Таунлей, Леня Смирновъ изъ Плесса, Игрушечка Толмачевъ.

Ребусъ № 3.

(Фамили подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей къ РОЖДЕСТВУ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ ПЕТЕРБУРГА.

Годъ седьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ для склеиванія (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

1) Аэропланъ. 2) Вилла. 3) Телѣга съ лошадкой. 4) Автомобиль. 5) Гуси домой! (игра). 6) Деревенская усадьба. 7) Письменный столъ, кресло и стулья. 8) Турецкій диванъ, тумбочка и шкафъ. 9) Русская тройка. 10) Осель летаетъ! (игра). 11 и 12) Вокзалъ желѣзной дороги съ поѣздомъ. 13) Вагонъ трамвая. 14) Водяная мельница. 15) Шарабанъ. 16) Автомобильныя гонки (игра). 17) Столовые часы (модель). 18) Игра въ путешествіе. 19) Швейцарскій домикъ. 20) Античная ваза. 21) Пароходъ. 22) Кто скорѣе? (игра). 23 и 24) Городокъ XVI вѣка.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ во учебныя бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

